

В романе “Мишень на клоне” С. Ахмедли опять поднимает проблему характера героя, наделенного активностью, энергичностью, но живущего в косном обществе. В судьбе Лачина война сыграла ещё более трагическую роль. Здесь автор показывает, что война убивает не только отцов–героев, но и будущих потенциальных героев – их сыновей. Это поколение, по сути, тоже есть “потерянное поколение”, а книга носит антивоенный, антифашистский характер.

В этом романе С. Ахмедли использовал метод “айсберга”, “черепahi”, характерный для Хемингуэя. Язык символов, наблюдение за процессом психологического изменения героев, их обновления особым способом – лишь через намеки, умалчивания, глубина подтекста – за всем этим, можно сказать, стоит большое сходство между художественными методами С. Ахмедли и Э. Хемингуэя.

Таким образом, можно прийти к тому выводу, что художников сближает не пространство и время, их близость, творческое родство – в самом подходе к окружающему миру и к тому, что придает смысл бытию – к феномену Человека.

Список использованных источников

1. Хемингуэй Э. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1960.
2. Грибанов Б. Эрнест Хемингуэй: герой и время. – М.: Худож. лит.–ра, 1980.
3. И.Хейзинга. Homo ludens. – М.: Прогресс, 1997.
4. Эшпэс Ш. S. Romanlar. – Azarn 9§r, 1999.
5. Anar. Sizsiz. – Baki, Ganclik, 1992.

References

1. Heminguej Je. Izbrannye proizvedenija. – M.: Prosvshhenie, 1960.
2. Gribanov B. Jernest Heminguej: geroj i vremja. – M.: Hudozh. lit.–ra, 1980.
3. I.Hjojzinga. Homo ludens. – M.: Progress, 1997.
4. Jeshpjes Sh S. Romanlar. – Azarn 9§r, 1999.
5. Anar. Sizsiz. – Baki, Ganclik, 1992.

Bagirova F., dissertator Department of Foreign Literature, Azerbaijan University of Foreign Studies (Azerbaijan, Baku), rus_rahimli@yahoo.com

Typological analysis of existential issues in prose E. Hemingway and S. Ahmedli

This article is devoted to the permanent issue in the literature – the place of existential human being in the period of great changes. While analyzing and comparing works of well-known writer E. Hemingway and Azerbaijani writer S. Ahmedli, the author has found important parallels not only in the styles and points of view of the writers and also poetical means used by them.

Keywords: modernism, socialist realism, mythological series, the subtext, the game, fantasy.

Багірова Ф., дисертант кафедри зарубіжної літератури, Азербайджанський університет іноземних мов (Азербайджан, Баку), rus_rahimli@yahoo.com

Типологічний аналіз екзистенціальної проблематики у прозі Е. Хемінгуея і С. Ахмедлі

Розглядається одвічна для великої літератури проблема екзистенціального вибору людини в епоху кардинальних світових змін. Аналізуючи і типологічно зіставляючи творчість всесвітньо відомого письменника – Е. Хемінгуея і великого азербайджанського прозаїка С. Ахмедлі, автор знаходить значущі паралелі не лише в підходах і особистісних позиціях письменників, а й в застосовуваних ними поетичних засобах.

Ключові слова: модернізм, соціалістичний реалізм, міфологічний ряд, підтекст, гра, фантастика.

* * *

УДК 81

Гасанлы–Гарибова Ш.,
докторант, Институт языкознания НАН Азербайджану
(Азербайджан, Баку), rus_rahimli@yahoo.com

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЭТНОГРАФИЗМЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ XI–XII ВЕКОВ

Привлечены к исследованию заимствования, используемые в этнографической лексике тюркских народов XI–XII веков. В исследовании определяется, что, в XI–XII веке в этнографической лексике тюрков использовались заимствованные слова пришедшие из согдийского, тибетского, китайского, индийского языков в древности. Так, некоторые слова, используемые тюркскими народами в XI–XII веке связанные с продуктами питания, пищей, напитками, тканями, названиями лекарств, верованиями перешли в тюркские языки из других языков. Эти этнографизмы считаются заимствованиями тюркских языков на начальных этапах. Так, период их перехода в язык приходится на ранний период XI века. В целом, в исследовании широко исследуются перешедшие из согдийского, тохарского, хотенского языков заимствованные слова в письменных памятниках связанных с шаманизмом и буддизмом. Отмечается, что с точки зрения ареала язык, в котором родилось слово, предпочитает усвоение слова из близкого языка именно материнского, а относительно далеко функционирующий язык при помощи более близкого ему языка посредника включает в свой словарный запас новое слово. С этой точки зрения если в языке восточных тюрков встречаются заимствования из китайского, индийского, согдийского, хорезмского языков, то в последующие периоды в языках проживающих западнее племенах огузов, кыпчаков встречаются арабо–фарсидские заимствования.

Ключевые слова: тюркские языки, этнография, тюркские народы.

(статья друкється мовою оригіналу)

Отражающая историю народа – этнография, выражается через существующий в ней язык. Учитывая этно–культурологический, этно–психологический, этно–экономический факторы, этнография отражающая в себе место и состояние развития народа в истории, обеспечивает органическое единство только языка. Поэтому этнографическая лексика соединяющая в себе науку языкознания и историческую этнографию имеет очень важное значение.

Язык является самым важным фактором существования народа. Быт народа, нравственные ценности, хозяйственная деятельность, одним словом вся его жизнь отражается в его языке, получает право на существование в истории. Развитие языка связано с развитием истории народа. “Отражение в языке всех изменений, исторических событий и процессов, происходящих в истории народа, общества и сохранение впечатков, органическое соединение истории народа с историей языка принимается исследователями как научная аксиома не встречающая никаких возражений” [1, с. 16]. Эти особенности отражаются во всех сферах языка, в особенности в этнографической лексике. Этнографическая лексика отражающая в себе этническое лицо народа, его национальные особенности, мифический, нравственный и материальный мир, формируется в зависимости от социально–экономического и культурно–материального развития общества, подвергается изменениям и обновляется. В целом в период продолжения развития общества и жизни все достижения и прогресс отражаются в языке формируя и развивая его словарный состав. Так, происходящие в обществе процессы, новые свершения оказывающие революционное воздействие на культурно–материальный мир народа, какие–либо открытия, связанные с ними понятия пройдя через фильтр сознания, становятся источником новых слов в языке. Но это случается не всегда одинаково, и язык не всегда однако реагирует на происходящее развитие. Иногда язык усваивает новое, путем включения в свой словарный состав какую–либо языковую единицу, а иногда не может

приспособиться к новому. То есть, новое слово могущее отразить в языке новое не всегда рождается из внутренних возможностей языка. В этом случае происходит обращение к другим языкам, и слово обозначающее новое понятие переходит из языка в язык. Отмеченный процесс проявляется и этнографической лексике, отражающей в себе историю развития языка, а это связано с широкой сферой охвата этнографической лексики. Поэтому что, заимствования из других языков обычно происходят в формах реалий, экзотизмов и приходят вместе с новыми для языка явлениями и предметами. Так, происходящий между двумя носителями языка этот процесс основанный на неизвестности одному из носителей предмета и понятия наряду с превращением нового предмета и понятия в часть быта получает право на существование в языке как составная часть словесного мышления. Значит, появляющийся на определенных этапах язык с заимствованиями в быту из других языков, образуется в результате этнического развития в связи с социальными, психологическими, эстетическими событиями, в качестве удовлетворения новых требований, и данный процесс наблюдается как переход в языке. Н. Асадов пишет: “Вопрос взаимного обогащения языков наций и народов, возникает из взаимоотношений их культур, представителей, и закономерности их взаимного обогащения. Взаимообогащение языков, иными словами, в результате взаимосвязей языков заимствование из одного языка в другой в большинстве случаев происходит в силу естественных потребностей.

Для выражения вновь образованных понятий, помимо существующих в языке соответствующих единиц происходит обращение к языку, заимствуются слова и выражения из лексической системы другого языка” [2, с. 38]. Подобный процесс заимствований зависит от исторического развития его носителя – народа, места расселения, от влияния других контактирующих языков. Такое влияние реализуется как взаимосвязь языков на фоне экономических, политических, культурных связей различных носителей языка.

В результате такого влияния происходят разнонаправленные процессы заимствования. Во всех языках наблюдается заимствования языков территориально соседних или не соседних народов, родственных и неродственных народов. При общем подходе этот процесс происходит в результате очень запутанной связи, и не наблюдается такой язык ограничившийся заимствованием слов лишь из родственного или соседнего языка.

В. И. Кодухов называя заимствование слов активным творческим процессом обогащения словарного состава языка писал: “Если объект заимствования, другими словами, понятие или новый предмет образуются потребностью общества, процесс заимствования сопровождается посредством усвоением нового слова языковыми средствами. Значит, заимствование слов как общественное событие так и языковой процесс” [3, с. 194]. Этот процесс служит толчком к заимствованию определенных элементов, слов языка, или же происходит на фоне причин преодоления внутриязыковых и внешнеязыковых преград. По этой причине, некоторые непосредственно связаны политическими, экономическими, социальными, культурными связями. Потому что, язык неразрывная часть эволюции и заимствования, являющиеся основным источником обогащения, отражают

этнические соприкосновения, социальные, экономические и культурные связи между коллективом языков.

Лексика языка также как и воображение человека и его творческие способности обладает безграничной широтой. Стремление к подобному обновлению и обогащению лексико–семантической системы языка одновременно обеспечивает непрерывное функционирование употребления языка. По мере развития общества развивается и язык, с легкостью включающий в свою лексическую систему слова выражающие потребности появившиеся в результате исторического прогресса и процесса развития. Однако заимствования наблюдаемые в этнографической лексике носят несколько другие отличительные особенности заимствований языка. Так, заимствования свойственные научным, официальным стилям литературного языка, сохраняют себя от чуждых особенностей языка, а в этнографической лексике наблюдается процесс ассимиляции подобных слов. Б. А. Ларин связывал этот процесс с использованием этих слов в быту: “Сильная связка слов в быту обуславливает языковую ассимиляцию” [4, с. 128]. А это связано с более поздним заимствованием этнографических слов в основном устным путем. “Коренные изменения в иностранных словах больше происходят в то время, если эти слова заимствуются в устной форме. В этом случае в основном составе заимствованного слова происходят серьезные изменения, в значительной степени происходит изменение его значения” [5, с. 97–98].

С этой точки зрения исследуя вопрос заимствованных слов в тюркских языках необходимо принимать во внимание не только современный период, но и процесс исторического развития. Заимствования не являются продуктом современного периода, и в древних языках можно обнаружить множество заимствований. Как отмечает С. Садыгова в течении периода многовековой истории тюркские языки влияя на языки других народов также подвергались влиянию других языков, что отразилось в их собственной лексической системе языка. Связи языков на протяжении отдельных моментов этногенеза, этнографического развития народов, исторической эволюции общества, сохраняют в себе в том числе образ жизни и культуру. Поэтому взаимосвязь языков – заимствование из одного языка в другой слов, в большинстве случаев взаимовлияние друг на друга языков и важная роль в общественной жизни заимствований является закономерным [6, с. 15]. Подобные заимствования безусловно, живут и сохраняются в этнографической лексике. Заимствования этнографической лексики наряду с охватом большинства сфер быта и общества, создают трудности для определения являются ли они заимствованными или нет. Если обратить внимание на этнографическую лексику тюрков в XI–XII веках, становится ясным что кажущиеся на первый взгляд некоторые слова тюркского происхождения в древности были перешли из согдийского, тибетского, китайского, индийского языков. Так в используемые в языках тюркских народов в XI–XII веках некоторые слова – названия продуктов питания, пища, питье, тканей, лекарств, верований, перешли в тюркские языки из других языков. Эти этнографизмы считаются заимствованиями тюркскими языками на первоначальном этапе. Период их перехода в языки приходится на период раньше XI века. Ф. Зейналов с исторической точки выделяет в тюркских языках такие

заимствования на монгольские (частично тунгус–манджурские), китайские, санскритские, фарсидские, арабские и славянского происхождения. [7, с. 14]. Правда, таких слов очень мало. Количество подобных слов являющихся для нас в этом отношении основным источником в памятниках XI–XII веков “Китадгу Билик”, “Диваню люгят–ит–тюрк” “Етабятюль–Хягаиғ”, “Дивани–Хикмят” превышает 50. Названия привозимых из Китая тканей *кез, чит, есгуити, шалашу, хюли, зюн-зюм, чюз, чиньхи, кензи, гачач, фазфури, лохтай*, леккарств из Индии *ирши, ирагун*, ранее не используемых тюрками напитков, появившиеся в употреблении после налаживания связей с соседями *бюхсим, бекни*, вместе с данными товарами вошли в язык народа и прижились в нем. Среди заимствований в XI–XII веках из древнего и средневекового китайского языка этнографизмы вошли в язык вследствие необходимой потребности. В опубликованном А. Джафероглу в 1968 году Древнем Уйгурском Словаре, 70 слов представлено как китайского происхождения. Основная часть этих заимствований сохраняются в современных тюркских языках и участвуют в словообразовании тюркских языках. Сегодня в большинстве тюркских языков, в том числе и в Азербайджанском языке, используемое слово *говун* впервые встречается в памятниках XI века, исследовавшие этимологию этого слова Рамстед и Рауанен в *Rasyanen* предполагают, что оно тибетского происхождения, производное от *га–гон, кау*.

Необходимо отметить, что в целом по вопросам заимствований в древности, существуют различные мнения, некоторые тюркологи изучая древнетюркский при поиске в национальной лексике языке заимствования найдя у соседних народов используемое тюркское слово преподносят его как перешедшее от них в тюркский язык. Например, изучавший заимствования тюркских языков из китайского Н. А. Баскаков считал эти слова заимствованными из китайского, что по нашему мнению является ошибочным: *сурчу (сувагчи), суи (су), алтун (гызыл), утуг (уту), пай, гап (гап, торба), тан (дан), битик (бити), иш, тин (тинла), чанаг (бошгаб), аяг (баде), темир (демур)* [8, с. 3, 5].

Часть древних заимствования в тюркских языках это слова, перешедшие из согдийского языка, по поводу этих заимствований Османалиева отмечает, “конечно, не исключено, что в древние времена в небольшом количестве слова согдийского происхождения перешли в тюркские языки. Однако их следы все еще не выявлены” [9, с. 278]. Причиной же является то, что согдийские заимствования сильно ассимилировались в языке и распространились на широкой географии. А. В. Дибовидвигает мысль о том, что эти слова либо в древности либо в средние века перешли в тюркские литературные языки, или же приобретены в прото–тюркском центре, – (гипотеза об общности предков огузов, кыпчаков, гарлугов – в этом случае процесс заимствования должен был произойти до 479 года до нашей эры), или же в обособившемся огузском или другом “центре” (Центральная Азия – *Ш.Х.*) в ходе контактов носителей языка с согдийскими торговцами [10, с. 16]. Из слов предполагаемых перешедших из согдийского такие этнографизмы как *бордуз, бадыч кенбее, заргюнчмуд, бечким* встречаются в образцах письменных памятников XI–XII веков. Используемые в памятниках XI века и яв-

ляющиеся названием питья *бюхсим, бекни* такая этнографическая языковая единица, по мнению Дорферина, является заимствованием из согдийского языка в период начального этапа образования связей тюрков с персоязычными народами.

В целом среди образцов письменных памятников XI–XII веков заимствованные из согдийского, тохарского, хотенского языков слова связанные с шаманизмом и буддизмом собраны лишь М. Кашкари. Однако следует отметить, что на основе сделанных М. Кашкари разъяснений, что не все эти слова употребляются всеми тюрками, наряду с употреблением тюрками являющихся соседними народами этих слов, они не перешли в язык относительно дальше проживающих другие тюркских народов. Тут проявляется фактор географической близости. Так с точки зрения ареала язык, в котором родилось слово, предпочитает усвоение слова из близкого языка именно материнского, относительно далеко функционирующий язык при помощи более близкого ему языка посредника включает в свой словарный запас новое слово. С этой точки зрения если в языке восточных тюрков встречаются заимствования из китайского, индийского, согдианского, хорезмского языков, то в последующие периоды в языках проживающих западнее племенах огузов, кыпчаков встречаются арабо–фарсидские заимствования. Но следует отметить, что арабо–фарсидские заимствования в тюркских языках в XI–XII веках это слова имеющий религиозный характер и связаны только с переводом Корана, начавшие проникать в язык в XII веке. Так А. Джафероглу указывает на использование в “Китадгу Билик” около 120 слов арабо–фарсидского происхождения, в основном относящихся к религии и некоторые к государственному устройству, перешедшие в основном из арабского языка [11, с. 60]. А это связано с взаимным использованием тюркского с калькуляцией религиозных терминов на первоначальном. Прекрасный пример этого мы можем найти в произведении Ю. Х. Хаджибина “Китадгу Билик”. В произведении написание восхваляющие Аллаха таких имен как *Торютген (Халиг), Ыгидген (Реззан), Кечурген (Гафур, Гаффар), Ини (Рябб), Уган (Гадир), Эркилг (Мюктедир), Мунсуз (Самед)* показывает, что в тот период в каждом новом религиозном произведении наряду с влиянием внешнего языка появление новой модели слова. Однако со временем вошедшие в идейно–художественное воображение и мышление тюрков сотни слов потеряли свое употребление, стали архаичными и заменились новыми понятиями. В отражающих в себе традиции исламской веры таких произведениях как “Китадгу Билик”, “Етабятюль–Хягаиғ”, “Дивани–Хикмят” уже начинает встречаться использование слов арабо–фарсидского происхождения передающих и выражающие исламские понятия. Например: *дуа* [К.Б. 1265.б.], *бисмиллах* [Д.Х., с. 7], *дин* [К.Б. 3434.б.], *мюнкир, някир* [Д.Х., с. 13], *аят* [Д.Х., с. 7], *муминн* [А.Х. 280], *феириште* [К.В. 2228.б.], *мирадж* [Д.Х., с. 7], *немаз* [А.Х. 400], *гюр* [К.В. 1405.б.], *тярикят* [Д.Х., с. 52], *гази* [К.В. 5329.б.], [Д.Х., с. 119], *хаялык* [Д.Х., с. 7], *сахибе* [Д.Х., с. 32], [К.В. а 6.б.], *месчид* [К.В. 5486.б.], *хадис* [Д.Х., с. 15], *фигс* [К.В., 6455.б.], *ахирят* [Д.Х., с. 19], *руза* [К.В. 3227.б.], *молла, муфти* [Д.Х., с. 119], *шерият* [К.В., 54.б.], [Д.Х., с. 19], *тазият (соболезнование)* [К.В., 6304.б.], *сырат* [Д.Х.,

с. 19], тевбе [К.В. 5289.б.], пярвягидар [Д.Х., с. 8], хур у гылман [Д.Х., с. 14], рузи–мяшхяр [Д.Х., с. 19], ибадат [Д.Х., 120] и пр. Д. Аксан затронувший переход в язык посредством религии арабо–фарсидские заимствования отмечает, что сохранение в языке в доисламский период слов связанных буддизмом и манахеизмом и переход в тюркские языки слов и выражений арабского языка являющегося основополагающим языком ислама, является естественным процессом [12, с. 137].

В целом же, арабо–фарсидские заимствования постепенно находясь не только в рамках религиозные этнографизмов, одновременно стали охватывать все сферы быта, духовной и материальной культуры. Например, дукян [Д.Х., с. 14], джулаб (гулаб) [К.Б., 1060.б.], китаб [А.Х. 477], уммет [Д.Х., с. 9], джуленгбин (вид сладости) [К.В., 2904.б.], пейвянд [Д.Х., с. 7], динар [А.Х. 85], деват (чернильница) [К.Б., 3714.б.], бимар (больной) [Д.Х., с. 21], говариш (растение или лекарственное средство улучшающее пищеварение) [К.Б., 2887.б.], шякяр [А.Х. 28], таам [Д.Х., с. 8], фука (вид шерbeta) [К.Б., 4656.б.], бустан [Д.Х., с. 35], [А.Х. 342], асял (мед) [Д.Х., с. 37], багче [А.Х. с. 342], гевхер (драгоценность) [К.Б., 3438.б.], халва [К.Б., 3611.б.], маджун [К.Б., 2887.б.], шям [Д.Х., с. 44], пяхриз [К.Б., а.20.б.], пешя (профессия) [К.Б., 6018.б.], шати (лестница) [К.Б., 6033.б.], шифа [К.Б., 1110.б.], шерабдар [К.Б., с. 41.б.], саги, джами–шераб [Д.Х., с. 18], туту (попугай) [К.Б., 3361.б.] и пр.

Следует отметить, что в этот период имевшиеся взаимозаимствования и вытеснение родных слов при переходе заимствования в язык, распространились в тюркских языках. Особенно эти случаи наблюдались при арабо–фарсидских заимствованиях, что, по мнению А. Мамедовой не правильный процесс и имеет разрушительный характер. “Поскольку настоящий прогресс, это когда научно–объективное заимствование слова рождается из естественной необходимости, поэтому новое слово должно прийти вместе с выражающим им новым понятием. В этом смысле большинство слов заимствованных из арабского и фарсидского языков вошли в словарный состав за счет вытеснения национальных единиц” [13, с. 13–14]. Так, образовавшиеся в связи с религиозными верованиями такие этнографизмы как слова *яалашач*, *юкюнч* под влиянием заимствований *намаз*, *пейгямбар* потеряли употребление в языке. Из–за ислама вместо слов тюркского происхождения *саиши*, *ек*, *мюк*, *умюшчи*, *учмаг* в произведениях последующих периодов начали использоваться такие заимствования как “*пейгямбар*, *рясул*, *шейтан*, *мяляк*, *намаз*, *рюку*, *дэжянят*, *фирдевс*”. Поскольку подобные заимствования в языке взаимозаменяемые, они послужили причиной постепенного забвения национальных слов. Взглянув на произведения отражающих лексическую панораму того периода видно, что по прошествии времени начинают использоваться такие понятия как *торю* [К.В. 219.б.] “адет” [А.Х. 249], “аиын” [К.Б. а.17.б.]; вместо *кариндаш* [К.Б. а.29.б.] “берадер” [А.Х. с. 291]; вместо *конут/конум* [К.Б. 4471б., 1347.б.] “бина” [А.Х. 341], [К.Б. а. 24.б.]; вместо *ул* [К.Б. 506.б.] “бунияд [А.Х. бс 341]; вместо *гедим/гедук* [К.Б. 2280.б., 299.б.] “джа–ме” [А.Х. с. 330], вместо “либас” [А.Х. 277]; вместо *эм* [К.Б. 1061.б.] “дырман” [А.Х. 50], “дару” [К.Б. 5244.б.], “иладж” [А.Х. 310]; вместо *асыг / тусу* [К.Б. 106.б.,

4852.б.] “файда” [А.Х. с. 287]; вместо *савчы* “хабиб” [А.Х. 21], “неби” [А.Х. а. 20], “ресул” [А.Х. 151]; вместо *белек/болек* [А.Х. 79], “хедия” [А.Х. 484]; вместо *ажунчы* [К.Б. 446.б.] “мелик, хукумдар” [А.Х. 454].

Проводивший исследования по этому поводу Е.Ушенмез отмечает наличие в памятниках написанных на Караханлы–тюрском в “Китадгу Билик” 334 слов арабского, 79 фарсидского происхождения, в “Етаб–тють–Хягаи” 251 слов арабского, 103 слов фарсидского происхождения, в “Дивани–Хикмят” 763 слов арабского, 588 слов фарсидского происхождения [14]. А это в основном отражает ситуацию с заимствованиями приходящимся на период произведений посвященных вопросам религии и этики. Если принять во внимание что приблизительно 15% данные заимствований относятся к этнографической лексике, то можно заметить очень незначительные заимствования в языке в этой сфере. Однако надо отметить, что во время исследования этнографической лексики тюркских народов до XIII века исследователи сознательно или несознательно увязывают этимологию слова с соседними с тюрками народами, что служит причиной искусственного завышения количества заимствований. С этой точки зрения всестороннее исследование этнографической лексики того периода открывает новые возможности в сфере изучения принципов и приемов использования заимствованных слов в языке.

Ареал языка, выраженный понятийным словом, является основным фактором для распространения слов среди других языков. В этом плане этнографизмы являются исключительными словами и в основном выделяются широким охватом.

Список использованных источников

1. Гасымов И. Формирование и развитие военной терминологической лексики в азербайджанском языке. – Баку : Нурлан, 2001. – 97 с.
2. Аскеров Х. К проблеме взаимных связей языков // Вопросы терминологии. – Баку : Элм, 2007. – С. 38–46.
3. Кодухов В. И. Введение в языковедение. – М. : Просвещение, 1987. – 286 с.
4. Ларин Б. А. О лингвистической характеристике города. История советского языковедения. Хрестоматия. – М., 1988.
5. Шанский Н. А. Лексикология современного русского языка. – М., 1978.
6. Садыгова С. Заимствованные термины и процесс их освоения, теоретические проблемы языковедения. – Баку : Элм, 2013.
7. Зейналов Ф. Основы тюркологии. – Баку : Маариф, 1981. – 348 с.
8. Баскаков Н. А. К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // *Turcica et orientalia. Studies in honour Gunnar Jarring on his eightieth birthday.* Swedish Research Institute Istanbul. – С. 1–8.
9. Османалиева Б. Иранские элементы в тюркских языках.
10. Дыбо А. В. Заимствования в словаре Махмуда Кашгарского из языков Синьцзяна // Российская тюркология. – 2009. – № 1. – С. 15–22.
11. Джафароглу А. История турецкого языка. – Стамбул. – Т. II.
12. Аксан Д. Все аспекты языка. – Анкара, 1995. – Т. I. – 568 с.
13. Мамедова А. Лексика “Китаби Деде Коргуда”. Дисс. канд. ф. н. – Баку, 2007. – 155 с.
14. Ушенмез Е. О содержательности слов в произведениях Караханлы // Академические исследования. – 2008. – Т. 3. – № 1. – С. 247–253.

References

1. Gasymov I. Formirovanie i razvitie voennoj terminologicheskoy leksiki v azerbajdzhanskom jazyke. – Baku : Nurlan, 2001. – 97 s.
2. Askerov H. K probleme vzaimnykh svyazey jazykov // Voprosy

terminologii. – Baku : Jelm, 2007. – S. 38–46.

3. Koduhov V. I. Vvedenie v jazykoznanie. – M. : Prosveshhenie, 1987. – 286 s.

4. Larin B. A. O lingvisticheskoj karakteristike goroda. Istorija sovetskogo jazykoznanija. Hrestomatija. – M., 1988.

5. Shanskij N. A. Leksikologija sovremennogo russkogo jazyka. – M., 1978.

6. Sadygova S. Zaimstvovannye terminy i process ih osvoenija, teoreticheskie problemy jazykovedenija. – Baku : Jelm, 2013.

7. Zejnalov F. Osnovy tjurkologii. – Baku : Maarif, 1981. – 348 s.

8. Baskakov N. A. K probleme kitajskih zaimstvovanij v tjurkskih jazykah // Turcica et orientalia. Studies in honour Gunnar Jarring on his eightieth birthday. Swedish Research Institute Istanbul. – S. 1–8.

9. Osmanalieva B. Iranskije jelementy v tjurkskih jazykah.

10. Dybo A. V. Zaimstvovanija v slovare Mahmuda Kashgarskogo iz jazykov Sin'czjana // Rossijskaja tjurkologija. – 2009. – № 1. – S. 15–22.

11. Dzhaferoglu A. Istorija tureckogo jazyka. – Stambul. – T. II.

12. Aksan D. Vse aspekty jazyka. – Ankara, 1995. – T. I. – 568 s.

13. Mamedova A. Leksika “Kitabi Dede Korguda”. Diss. kand. f. n. – Baku, 2007. – 155 s.

14. Ushenmez E. O soderzhatel'nosti slov v proizvedenijah Karahanly // Akademicheskie issledovanija. – 2008. – T. 3. – № 1. – S. 247–253.

Gasanly-Garibova Sh., Ph.D. Candidate, Institute of Linguistics NANA (Azerbaijan, Baku), rus_rahimli@yahoo.com

Borrowed ethnographisms in Turkic languages XI–XII centuries

Brought to study borrowing the vocabulary used in the ethnographic Turkic peoples XI–XII centuries. The study determined that, in the XI–XII century ethnographic lexicon Turks used loanwords come from Sogdian, Tibetan, Chinese, Indian languages in antiquity. So, some of the words used by the Turkic peoples in XI–XII century related to food, food, beverages, textiles, medicines names, beliefs moved in Turkic languages from other languages. These borrowings are considered ethnographisms Turkic languages in the initial stages. Thus, the period of transition in their language accounts for the early period of the XI century. In general, the study widely studied have fallen from Sogdian, Tocharian, hotenskogo languages loanwords in written records associated with shamanism and Buddhism. It is noted that in terms of area language in which the word was born, prefers the word assimilation of the language is close maternal and functioning relatively far the language with the language closer to him mediator includes a new vocabulary word. From this perspective, if a language of the Eastern Turks found borrowing from Chinese, Indian, Sogdian, Khorezm languages, in subsequent periods in languages tribes living west of the Oghuz, Kipchak meet Arab–Persian borrowing.

Keywords: Turkic languages, ethnographisms, Turkic peoples.

Гасанлі–Гарібова Ш., докторант, Інститут мовознавства НАН Азербайджану (Азербайджан, Баку), rus_rahimli@yahoo.com

Запозичені етнографізми в тюркських мовах XI–XII століть

Залучено до дослідження запозичення які використовуються в етнографічній лексичній тюркських народів XI–XII століть. У дослідженні визначається, що, в XI–XII столітті в етнографічній лексичній тюркських народів використовувалися запозичені слова які прийшли з согдійської, тибетської, китайської, індійської мов в давнину. Так, деякі слова використовували тюркськими народами в XI–XII столітті пов'язані з продуктами харчування, їжею, напоями, тканинами, назвами ліків, віруваннями перейшли в тюркські мови з інших мов. Ці етнографізми вважаються запозиченнями тюркських мов на початкових етапах. Так, період їх переходу в мову припадає на ранній період XI століття. В цілому, в дослідженні широко досліджуються запозичені слова в письмових пам'ятках пов'язаних з шаманізмом і буддизмом що перейшли з согдійської, тохарської, хотенської мов. Відзначається, що з точки зору ареалу мови, в якому народилося слово, воліє засвоєння слова з близької мови саме материнської, а відносно далеко функціонуюча мова за допомогою більш близької їй мови посередника включає в свій словниковий запас нове слово. З цієї точки зору якщо в мові східних тюркських народів зустрічаються запозичення з китайської, індійської, согдійської, хорезмської мов, то в наступні періоди в мовах племен Огуз, кипчаків, які проживають західніше, зустрічаються араб–фарсідські запозичення.

Ключові слова: тюркські мови, етнографія, тюркські народи.

* * *

УДК 81

Гасанов А. Ш.,

доктор філософії по філософії,
старший научний працівник відділення соціальної
філософії, Інститут філософії і права
Національної академії наук Азербайджану
(Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com

ТРАДИЦІОННІ ЦЕННОСТІ І ПРОЦЕС МОДЕРНИЗАЦІЇ В АЗЕРБАЙДЖАНСЬКОМУ ОБЩЕСТВІ

Одной из важных характеристик современной эпохи является кризис традиционных ценностей, который проявляется, в частности, в утрате обществом единства в понимании ценностей, а также в определенном их смещении. Процессы коренных изменений традиционных ценностей и норм свидетельствуют о существенных культурных сдвигах в обществе. Эти сдвиги во многом связаны со сдвигом от материалистических (где на первом месте выступают вопросы экономической и физической безопасности) к постматериальным ценностям (превалирование вопросов самовыражения и качества жизни).

Ключевые слова: модернизация, традиционные ценности, материальные ценности, постматериальные ценности, качества жизни.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Сегодня Азербайджан, говоря словами Аренда Лейпхарта, напоминает “многосоставное общество”, фрагментированный социум, который находится между двумя полюсами – модернизацией и традиционностью. В этом контексте вопросы укрепления национальной самобытности и гармоничного слияния с современными социокультурными процессами в мире занимают особое место в обсуждении процессов модернизации в азербайджанском гуманитарном дискурсе.

Культура и сознание могут завоевать успех в случае их направленности в сторону активизации и развития человеческого потенциала, материального и морального благосостояния, духовного и интеллектуального здоровья народа. В этом процессе важную роль должны сыграть носители личной сознательности и, как отмечает С. Лурье, они должны иметь возможность влиять на ценностные ориентации других членов общества [2, с. 14]. Они должны определить, какие традиционные ценности имеют ведущее значение для азербайджанцев, и какое из них может иметь определяющее значение для эффективного слияния с либеральной культурой. Задачей же интеллигенции является выбор и пропаганда принципов и ценностей, которые могут являться наименее конфликтными, помочь разрешению актуальных социальных, экономических и других проблем. Перепроверка ценностей возможна только на основе конфликта ценностей и интересов, и определения дальнейших перспектив развития.

В современном Азербайджане в связи с модернизацией основной реформ можно считать желание принять большинством граждан западных ценностей в политической жизни, в деловых отношениях, образовании и в других сферах. Однако все это является внешними сторонами западной жизни, что может привести к неправильному пониманию сущности модернизации. Отсюда надо стараться, чтобы либеральные реформы привели к либерализации не только экономического и политического, но и общественного сознания. В то же время надо стараться, чтобы индивидуальная свобода не привела к нигилистическому отношению к обществу, праву и моральным основам [3, с. 44–45].

Ценности – это базовые установки человека, конструирующие идентичность. Их можно разделить на индивидуальные, которые интегрируют поведение и пе-